

мы коснулись только некоторых принципиальных теоретических вопросов, связанных с обозначенной в заглавии проблемой. Мы убеждены в том, что вариативность (точнее, соотношение традиции, или стабильности, и вариативности) должна быть признана одним из "важнейших свойств культуры вообще и традиционно-бытовой культуры в особенности. Она должна быть систематически изучена. Продемонстрировать методы, которые при этом могли бы быть использованы, и было целью настоящей статьи.

С. А. Арутюнов, Э. С. Маркарян, Ю. И. Мкртумян

ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ КУЛЬТУРЫ ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭТНОСА

На современном этапе развития этнографической науки возникает необходимость проведения таких исследований культуры этноса, которые могли бы дать возможность описать ее в виде ряда взаимосвязанных подсистем, каждая из которых выполняет специфические задачи адаптации к меняющимся условиям социальной и природной среды. Это предполагает установление значительно более тесных творческих связей этнографии с культурологией, призванной исследовать культуру теоретически как определенный целостный феномен. В свою очередь для культурологии очень важны опыт этнографии в изучении народов, особенно под углом зрения локального исторического разнообразия культуры человечества, а также основные принципы и система понятий, в которых кристаллизуется этот опыт. Взаимная заинтересованность данных областей ставит на повестку дня выработку особого типа интегративных исследований. Его можно назвать этнокультурологическими исследованиями¹.

В 1976 г. авторы настоящей статьи поставили перед собой задачу проведения подобного этнокультурологического исследования применительно к культуре жизнеобеспечения. Организационным центром исследования явился Отдел теории культуры Института философии и права АН Армянской ССР, все сотрудники которого приняли непосредственное и активное участие в его осуществлении. В исследовании на различных его этапах принимали участие также отдельные сотрудники Института этнографии АН СССР, Института археологии и этнографии АН Армянской ССР, студенты исторического факультета Ереванского госуниверситета. В качестве предмета изучения были взяты системы жизнеобеспечения как подсистемы культуры армянского села.

Естественно, что перед авторами с самого начала встала необходимость определения пространственных и временных рамок исследования. В пространственном отношении следовало ограничить исследование таким образом, чтобы материал был в достаточной степени репрезентативным и для Армении в целом, и для ее различных экологических зон. Временные же рамки должны были охватить период, выражающий качественно разные уровни социально-экономического и бытового развития.

Учитывая особенности природно-географических, социально-экономических и бытовых условий, авторы остановили свой выбор на историко-культурных районах Сюник, Ширак и Айрарат, значительно отличающихся друг от друга в указанных отношениях. Определить временные рамки было легче: полевым этнографическим исследованием путем анкетного интервьюирования можно было охватить все прошедшее столетие, а это как раз период, отмеченный крупнейшими сдвигами в поли-

¹ *Markarjan E. S. Ethno-Culturology and Ethnographic Studies.— Problems of the European Ethnography and Folklore. Summaries. II Congress of the International Society for European Ethnology and Folklore. Moscow, 1982, p. 192—195.*

тической, социальной и хозяйственной жизни армянского народа, как и других народов Советского Союза.

Основные выводы проведенного исследования изложены в недавно вышедшей коллективной монографии². Она состоит из двух частей: теоретической, в которой дана общая характеристика культуры жизнеобеспечения, показаны место этнических культур в системе локального разнообразия человечества и современная методология изучения этого разнообразия, и фактологической части, где рассмотрены и обобщены материалы двух экспедиций (август-сентябрь 1976 г. и июль-август 1978 г.). Важно при этом отметить, что и в сборе полевых материалов, и в написании второй, собственно этнографической части коллективной монографии непосредственное участие приняли культурологи. И наоборот, члены авторского коллектива — этнографы активно участвовали в разработке теоретических проблем исследования, а также в их изложении.

Не претендуя на обобщение всех результатов проведенной работы, авторы статьи ставят перед собой цель охарактеризовать исходные задачи этнокультурологического исследования и некоторые основные его выводы.

Тот круг явлений, который в указанном исследовании понимается под *культурой жизнеобеспечения* (далее — КЖ), охватывает главным образом поселения, жилища, пищу и одежду. Можно назвать немало исследований первостепенного значения, в которых этнографы исследуют эти основные компоненты КЖ как независимые комплексы, не ставя, однако, специально задачу выявления существующих системных связей между ними³. В осуществленном же нами исследовании было решено сделать компоненты КЖ не только предметом систематического сравнительного регионального и зонального анализа, но и попытаться изучить эти компоненты в их единстве. Охват всех компонентов КЖ не представился возможным. За рамками нашего исследования остались одежда и ряд периферийных компонентов КЖ, таких, как утварь, мебелировка и т. д.

Для каждого из взятых для исследования компонентов КЖ была разработана серия карт-анкет, где была заранее предусмотрена фиксация основных объектов потребления (виды домашних и диких животных, сельскохозяйственные культуры, компоненты поселений, детали жилища) — по одной оси, и возможных видов их оформления и использования — по другой. Разумеется, оба компонентных списка могли расширяться в ходе исследования. В карте-анкете фиксировалось отсутствие или наличие данного компонента и формы его использования, притом с учетом степени распространенности. Дополнительные сведения, не укладываемые в рамки формализованной анкеты, записывались особо. Формализованная часть играла в исследовании весьма важную роль, так как сопоставление по любой ячейке анкеты формализованных «портретов» поселений, отобранных по принципу историко-культурного района, ландшафтной зоны или времени возникновения позволяло сразу же выявить уровень сходства или различия по данному признаку (например, распространенность сырцового кирпича для кладки стен или приготовление запасов путем упаривания фруктовых соков).

Следует отметить, что выработка программы исследования и составление достаточно хорошо работающих анкет потребовали весьма значительных усилий всего авторского коллектива. Перед ним стояла прежде всего задача теоретически обосновать выделение КЖ в общей системе культуры. Эта задача не так проста, как может показаться на первый

² Культура жизнеобеспечения и этнос. Опыт этнокультурологического исследования (на материалах армянской сельской культуры). Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1983.

³ См., например: *Бломквист Е. Э.* Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов (поселения, жилища и хозяйственные строения). — В кн.: Восточнославянский сборник. М.: Изд-во АН СССР, 1956/Гр. Ин-та этнографии АН СССР (далее ТИЭ), т. XXXI; Типы сельского жилища в странах Зарубежной Европы. М.: Наука, 1968; Этнография питания народов стран Зарубежной Азии. М.: Наука, 1981; *Белицер В. Н.* Народная одежда удмуртов (материалы к этногенезу). — ТИЭ. М.: Изд-во АН СССР, 1951, т. X; *Волкова Н. Г., Джавахишвили Г. Н.* Бытовая культура Грузии XIX—XX веков: традиции и инновации. М.: Наука, 1982.

взгляд, особенно при эмпирически-интуитивном подходе. На теоретическом уровне она не может быть решена без разработки соответствующего общего принципа, благодаря которому КЖ можно абстрагировать в общем ряду других подсистем культуры. Этот принцип должен быть функциональным, т. е. исходить из выделения некоторых генеральных функций, выполняемых культурой как способом человеческой деятельности. При этом группировка функций и абстрагирование соответствующих элементов культуры — их носителей могут быть более дробными или обобщенными в зависимости от ставящихся познавательных задач.

В соответствии с целями исследования мы сочли необходимым абстрагировать четыре функциональные подсистемы культуры, способные целостно выразить основные звенья осуществления циклов деятельности различных исторических общностей людей. К ним относится *регулятивная подсистема*, выполняющая прежде всего функции стимуляции, мотивации, программирования, контроля и координации деятельности; *осваивающе-исполнительная подсистема*, благодаря которой люди обеспечиваются средствами реализации своих многообразных программ деятельности; *подсистема средств физического жизнеобеспечения*, которая позволяет людям поддерживать свое физическое существование и охраняет их от вредных воздействий среды⁴; наконец, *подсистема надбиологического социокультурного воспроизводства*, осуществляемого путем аккумуляции и социальной организации общественно значимого опыта в виде стереотипов культурной традиции.

Процесс экологической адаптации общества к природной среде происходит путем ее соответствующего социально организованного территориального освоения, которое выражается в строительстве жилищ и целых поселений, в организации производства необходимых для повседневной жизни пищевых продуктов, утвари, одежды и пр. Все эти элементы культуры и могут быть объединены в общем понятии «культура жизнеобеспечения».

Этнографы в соответствии с классификацией культуры на материальную и духовную обычно относят составляющие КЖ к первой. В целом такое отнесение, несомненно, правомерно, однако, во-первых, материальная культура этим не исчерпывается, хотя в ряде исследований ее характеристика и ограничивается описанием компонентов КЖ⁵. Во-вторых, относясь в целом к материальной культуре, многие, если не все, компоненты КЖ имеют определенное выражение или отражение и в сфере духовной культуры. И наконец, не вполне корректно обычно даваемое или подразумеваемое обоснование такой классификации, согласно которому материальная культура охватывает материально воплощенные предметы культуры, а духовная — систему знаний, представлений и общественных норм.

Нам представляется, что в основу деления культуры на материальную и духовную должно быть положено различие двух функций, которые призвана выполнять культура соответственно направленности одних ее элементов на биофизическую сферу (в том числе и организм самого человека), а других, на духовный мир людей, на сознание и психику в целом.

С этой точки зрения к материальной культуре следует отнести как систему средств воздействия на биофизическую сферу (орудия труда), так и систему средств физического обеспечения человеческой деятельности, т. е. то, что в своей совокупности было названо культурой жизнеобеспечения⁶. Что касается духовной культуры, то ее основными компо-

⁴ Именно данная подсистема дает основание для выделения культуры жизнеобеспечения. Более подробно об этом см.: Культура жизнеобеспечения и этнос, ч. I, гл. 1, § 1.

⁵ См., например: Народы Европейской части СССР, I (серия Народы мира. Этнографические очерки). М.: Наука, 1964, с. 817—851.

⁶ В связи с рассмотрением данной подсистемы важно отметить, что все без исключения подсистемы культуры в конечном счете направлены (каждая по-своему) на обеспечение и поддержание общественной жизни людей, человеческой деятельности. На обеспечение общественной жизни направлены и стимуляционно-мотивирующие, и програм-

нентами выступают системы средств регуляции человеческой деятельности (соционормативная и гуманитарная культуры), в том числе и система средств производства и аккумуляции знаний (когнитивная культура)⁷.

Для целей дальнейшего исследования необходимо подчеркнуть, что рассмотренный выше принцип выделения материальной и духовной культуры базируется на выявлении доминантных функций этих подсистем культуры. Данное обстоятельство очень важно в силу многофункциональности большинства элементов культуры и образуемых ими комплексов. В этой многофункциональности легко убедиться на примере КЖ и отдельных ее составляющих.

Хотя исходными и доминантными для последних являются функции освоения природно-экологического пространства, защиты и физического поддержания человеческих коллективов, в процессе своего реального функционирования они выполняют и социорегулятивные функции. Надо иметь в виду, что элементы КЖ, помимо удовлетворения потребности людей в чисто физическом обеспечении жизни, призваны удовлетворять и иные, как бы надстраивающиеся над ними социальные потребности. Очень важное место среди них занимают престижно-символические, коммуникативные и эстетические потребности.

Сказанное ни в коей мере не умаляет значение предложенного принципа вычленения КЖ из общей системы культуры. Следует помнить, что любая классификация в той или иной мере условна и ведет к огрублению действительности. Однако без подобного огрубления вообще невозможен научный анализ объектов исследования. Удовлетворение материальных и духовных потребностей представляет собой интегральный процесс, вычленение компонентов которого производится лишь путем логической изолирующей абстракции. Это хорошо видно на примере выделенных комплексов КЖ. Хотя доминантными для них являются функции защиты и физического поддержания человеческих коллективов, но в процессе своего реального функционирования и развития эти комплексы выполняют и социорегулятивные (стимулирующие, программирующие, организирующие, контролирующие) функции. Поэтому недопустимо отмеченные комплексы КЖ, как и явления других подсистем культуры, связывать с отдельно взятыми индивидами и выводить их непосредственно из витальных потребностей, не опосредствуя их потребностями существования социального организма. Культура есть социальное явление, и условием правильного понимания ее соответствующих элементов должно быть их рассмотрение сквозь призму социального организма.

Естественно, что между отдельными комплексами КЖ нет непроходимых граней, как нет их между КЖ и другими подразделениями культуры. Наоборот, в обоих случаях имеются более или менее равновеликие области взаимопроникновения. Например, очаг (тонир, бухар) является деталью жилища и связан с его функционированием (отопление и др.), но он же служит для приготовления пищи, выпечки хлеба и тем самым неразрывно связан с комплексом питания.

Хотя система КЖ функционирует прежде всего в сфере потребления, однако она включает и определенные моменты производства и распределения. Относясь в целом к области материальной культуры, КЖ, как уже было сказано, в своей конкретной форме отражает и выражает разнообразные аспекты социальной жизни и духовной культуры: соционормативные, престижные, эстетические, ритуально-культовые и т. д. Именно поэтому КЖ является одним из тех звеньев, с которого очень удобно начать исследование культуры этноса с тем, чтобы в дальнейшем распространить его на другие однопорядковые системы культуры и на весь феномен культуры в целом.

мирующие, и исполнительные, и воспроизводящие звенья культуры. Особая роль «культуры жизнеобеспечения» состоит именно в физическом обеспечении жизнедеятельности людей.

⁷ Более подробно об этом см.: *Маркарян Э. С. Очерки теории культуры.* Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1969, с. 86; *его же. Теория культуры и современная наука.* М.: Мысль, 1983, гл. 2, § 1.

В связи с задачей выделения КЖ в качестве специфического предмета научного анализа нами проведена дифференциация между данной подсистемой культуры и культурой первичного производства. В основе существования любой общности людей лежит производство материальных благ, но эти блага, чтобы обеспечить воспроизводство жизнедеятельности своих создателей, должны приобрести приспособленную к определенным условиям потребления форму, т. е. должны быть переведены из культуры первичного производства в культуру жизнеобеспечения. Именно там, где блага начинают приобретать форму, непосредственно направленную на удовлетворение витальных потребностей людей, как раз и следует проводить порой довольно условную грань между этими двумя подсистемами культуры. Но во многих ситуациях различия вполне очевидны. Так, например, способ производства зерна еще не относится к КЖ, так же как не относится к ней способ рубки леса. Эти процессы остаются всецело в рамках культуры первичного производства. Однако обрушивание крупы, помол муки и выпечка хлеба, равно как заготовка балок и столбов для строительства дома, входят в КЖ, и т. д.

Таким образом, адаптированная к непосредственным целям нашего исследования схема культуры включает в себя четыре компонента: *культуру первичного производства, культуру жизнеобеспечения, соционормативную культуру и познавательную или гуманитарную культуру*.⁸ Эта рабочая концептуальная схема, будучи результатом довольно длительного коллективных поисков, несомненно, еще потребует дальнейшего совершенствования, но ее использование и в настоящем виде оказалось методологически полезным для целей нашего исследования.

* * *

Сравнительно-типологический метод является одним из наиболее важных научных методов изучения этнических культур. Последние представляют собой сложное образование, и их изучение требует, помимо типологизации присущих им общих черт, также и типологизации их локальной специфики на различных таксономических уровнях. В связи с этим важное значение приобретает разработка исходных принципов типологического обобщения при сравнительном изучении этнических культур и их соответствующих вариантов. В качестве таковых могут выступать «общий» и «локальный» исторические типы культуры. Выделение общего исторического типа обусловлено существованием исторических закономерностей формирования, функционирования и развития социокультурных систем, а также сочетанием их с закономерностями другого порядка, например ландшафтно-экологическими. Примерами указанных разновидностей общего исторического типа могут служить понятия «общественно-экономическая формация» и «хозяйственно-культурный тип». Выделение же локального исторического типа должно производиться путем конкретизации проявления общих закономерностей в определенных пространственно-временных рамках. Именно эта понятийная схема была положена в основу методологической основы сравнительно-типологического изучения КЖ в проведенном нами исследовании. Задачи конкретного этнографического анализа потребовали конкретизации идеи различения общих и локальных исторических типов. Хотя эта идея была предложена еще в середине 60-х годов⁹ и принята многими специалистами, в своем первоначальном виде она не была в достаточной степени связана с исследовательской практикой, так как была выработана непосредственно в процессе критического анализа философско-исторической концепции эквивалентности культур, выделявшей локально-исторические системы культуры в рамках истории человечества в целом*.

Проведенное же нами исследование было ограничено рамками одного этноса. Поэтому необходимо было адаптировать сформулированную ра-

⁸ Более подробно об этом см.: *Мкртумян 10. И.* Основные компоненты культуры этноса.— В кн.: Методологические проблемы исследования этнических культур. Материалы симпозиума. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1978.

⁹ *Маркарян Э. С.* Очерки теории культуры, с. 113—114.

шее концептуальную схему к подобному уровню анализа. Это стало возможным после более четкой формулировки идеи относительности общих и локальных исторических типов культуры в зависимости от стоящихся познавательных задач и задаваемого общего поля исследования¹⁰.

Одна из проблем, которая встала перед авторским коллективом, состояла в нахождении основных элементарных единиц анализа. Поскольку ставилась вполне определенная познавательная задача (сравнительный анализ функционирования основных составляющих КЖ в армянском селе, включая и их символические аспекты), для проведения подобного анализа надо было выделить такие единицы, которые отвечали бы требованиям вполне определенных системных категорий.

Для пищи подобная единица анализа была определена через понятие трапезы¹¹, благодаря которому достигается требуемая комбинация элементов пищи в структурно-функциональные единицы исследования, соответствующие реальным жизненным ситуациям (обыденным, ритуальным) процесса потребления пищи. Именно трапезы, а не отдельные составляющие пищи выступают в качестве действительного эквивалента таким единицам исследования, как поселения, жилища и определенные комплексы одежды. Отметим в связи с этим, что пища, а также одежда, в отличие от поселений и жилищ, представляют собой значительно более лабильные и гетерогенные системы, составляющие которых находятся в дисперсном состоянии и комбинируются в качестве реальных единиц предписываемого традициями потребления пищи в соответствующих трапезах и ритуалах или ношения одежды как целостного костюма-комплекса определенными половозрастными группами в определенных бытовых и обрядовых ситуациях¹².

Хотя в любом комплексе КЖ мы можем найти знаково-символические функции, они не всюду проявлены одинаково четко. В поселенческом комплексе, например, знаковость, престижность, символичность, как правило, могут быть связаны лишь с его отдельными элементами или выступать как его дополнительная, эксплицитно не выраженная функция, в то время как в жилищном комплексе они проявлены и в архитектонике, и в декоре, и в отдельных деталях построек. Пожалуй, наиболее четко эти свойства выражаются в комплексе питания, где знаковость может быть присуща и исходным продуктам для приготовления блюд, и способам их приготовления, и особенностям их внешнего оформления, и способам потребления.

Один из аспектов знаковости, выраженный в комплексах КЖ, проходит по оси «профанное — сакральное», с обширной долей более или менее нейтральных компонентов в срединной части этой оси. С этой осью связан целый ряд других бинарных оппозиций, которые могут выступать по отношению к ней либо как независимые, ортогональные, либо как коррелированные, вплоть до параллелизма и даже полного слияния. Таковы оппозиции «домашнее — дикое», «женское — мужское», «печальное — радостное», «темное — светлое», «вареное — жареное» и т. д.¹³

Другой аспект, чаще всего не коррелирующийся с первым, заключается в оппозиции по оси «престижное — непрестижное», с более или менее разработанной шкалой иерархии престижности по этой оси. Наличие указанных осей «профанное — сакральное» и «престижное — непрестижное» создает предпосылки для конструирования разветвленной типологии различных комплексов и компонентов КЖ в плане их семиотического осмысления.

Конфигурация всех рассмотренных параметров зависит главным образом от уровня социально-экономического развития этноса и от кон-

¹⁰ Маркарян Э. С. Исходные предпосылки исследования этнических культур.— В кн.: Методологические проблемы исследования этнических культур, с. 13—15; *его же*. Теория культуры и современная наука, гл. 4, § 2, 3.

¹¹ Арутюнов С. А., Мкртумян Ю. И. Проблема классификации элементов культуры (на примере армянской системы питания).— Сов. этнография, 1981, № 4, с. 14.

¹² Более подробно об основании выделения элементарных единиц проведенного исследования см.: Культура жизнеобеспечения и этнос, ч. I, гл. 1, § 1.

¹³ Этнография питания народов стран Зарубежной Азии, с. 246—247.

•ческого общения, а общение в поселении, т. е. на улице или на площади, — к числу наименее интимных, а следовательно, наиболее проницаемых межэтнически, почему и среда его имеет тенденцию к этнически и символически нейтральному оформлению.

При анализе любого комплекса в рамках КЖ можно выделить соотношения по этнокультурным регионам, обобщенно определяемые по оси «центральное — периферийное», соотношения по ландшафтно-климатическим зонам, выражаемые в нашем случае осью «долинное — горное», эпохальные соотношения типа «новое — старое» и имущественно-социальные соотношения типа «более зажиточное — менее зажиточное». Переходы в подобных континуумах происходят постепенно, но в одних случаях эта постепенность ровная, плавная, в других случаях в ней заметны моменты скачкообразных изменений. Так, например, эпохальные изменения в жилище происходят более резко и скачкообразно, нежели в пище; зональные различия в структуре жилищного комплекса выражены резче и явственнее, чем в поселенческом комплексе, и т. д.

Любопытно, что все названные оси соотношений (бинарных оппозиций) на практике выступают не вполне независимо друг от друга, а явно коррелируются между собой. На характеристику региона в целом существенно влияет преобладающая в нем ландшафтная зона. Долинная зона тем не менее в любом случае выступает в роли эталона, в направлении которого постепенно эволюционируют комплексы остальных двух зон. Не случайно комплексам Айратского региона еще в дореволюционный период были присущи некоторые зачатки сдвигов в сторону урбанизации, которые в периферийных регионах и в особенности в их горных зонах начали появляться лишь много позже.

Прогрессивное развитие культуры этноса в целом характеризуется процессом все большей унификации. Объясняется это тем, что вариативность сосредоточена в наибольшей степени в правых членах указанных бинарных оппозиций, от которых развитие идет в сторону левых, причем последние выступают в качестве референтных вех для первых. Так, в выделенных нами оппозициях «долинное — горное», «центральное — периферийное», «новое — старое», «зажиточное — бедное» совершенно четко можно проследить, что типы жилищ и поселений гораздо многообразнее в горной зоне, нежели в равнинной: типы бедняцких жилищ были весьма разнообразны, тогда как жилища зажиточных семей строились более или менее по одному, считавшемуся наиболее престижным в данный момент плану, и этот план был особенно характерен именно для равнинной зоны центрального района; новые, современные формы жилища весьма унифицированы в отличие от разнообразных старых, традиционных форм. Развитие идет постепенно от этих старых форм к новым, причем закономерно сопровождается вытеснением периферийных черт центральными, все большей степенью проявления в горных районах черт, ранее свойственных только равнинным.

Некоторая нивелировка этнически специфических черт КЖ в ходе такой эволюции сопровождается не снижением, а, напротив, скорее повышением знаковой нагрузки на отдельные элементы культуры по мере социально-экономического прогресса. Весьма различавшиеся ранее по регионам и социальным уровням меню трапез унифицируются, но ассортимент престижных и праздничных блюд при этом возрастает, нюансы их знаковых функций становятся все более многозначными. Особенно это заметно на напитках, среди которых ранее выражение знаковым был только один (вино), а ныне знаковые функции обретают и разные типы водки, и коньяк, и даже безалкогольные напитки. Доля затрат на отделку, на эстетическое оформление жилища, которая в старину была очень невелика, ныне достигает одной трети всей суммы затрат на сооружение жилища и даже более. Рост роли престижной означенности происходит параллельно с постепенным ослаблением, изживанием значимости оппозиции мирского и сакрального, что, разумеется, связано с общим ладением роли культовых моментов в жизни общества.

Отдельные комплексы КЖ выступают как четко оформленные системы, где изменение в одном компоненте так или иначе сказывается на всех остальных. В частности, отчетливо видны параллелизм и взаимная: дополнительность животных и незерновых растительных продуктов. Так, например, в способах и в терминологии приготовления и использования, овощи выступают в более тесной связи с мясом и как субститут его, а: фрукты более явственно коррелируются с молочными продуктами, в частности сухофруктовые продукты выступают как заменители кисломолочных в роли субстрата жидких блюд. В долинной системе питания по сравнению с горной, естественно, удельный вес мясо-молочных компонентов снижен, а фруктово-овощных повышен. В целом в системе питания ярко выражен сбалансированный полиморфизм разных параллельных форм обеспечения: ячмень и просо как дополнительные зерновые наряду с пшеницей, пресные лепешки наряду с заквасным хлебом и т. д. При этом в относительно благоприятных ситуациях ведущая форма наиболее распространена, а остальные сосуществуют с ней как значительные дополнения, отчасти ритуального характера, отчасти даже в роли детской забавы. Однако в кризисных, экстремальных ситуациях эти дополнительные формы становятся основной пищей, а ведущая форма функционирует уже скорее как празднично-престижная.

Так, например, при обеспеченности пшеничной мукой и необходимым для тонирного хлебопечения кизячьим топливом заквасной пшеничный тонирный хлеб является основным пищевым продуктом, тогда как пресные лепешки, выпекаемые на раскаленных камнях, ячменный хлеб, просяные лепешки, выпекаемые на противне, могут изготавливаться либо в связи с некоторыми ритуалами, либо, чаще, просто для разнообразия или в качестве лакомства для детей (в горячем виде такие лепешки обладают определенными специфическими вкусовыми достоинствами). Однако в ситуации недостаточной обеспеченности эти виды хлеба могут стать основным пищевым продуктом, а настоящий пшеничный лаваш, будет выпекаться лишь в особо праздничных случаях. То же можно сказать о «котапах» — своего рода пирогах с начинкой из лебеды и других дикорастущих трав, о замене дикорастущими травами мясного компонента в кашах и супах и т. д.

Проведенное исследование КЖ, имея экспериментальный характер,, не преследовало цели выявления всех существенных системных связей между ее выделенными компонентами. Но оно с достаточной очевидностью показало перспективность этнокультурологического подхода в решении этой, по-видимому, наиболее важной задачи изучения КЖ, как и других подсистем культуры. Отметим, что есть случаи, когда изменения в жилище и пище выступают взаимосвязанно, например, прекращение содержания молочного скота и переход на покупные молочные продукты, сопровождающиеся ликвидацией хлеба при доме; или же исчезновение тонира и переход с лавашных форм хлеба на каравайные. Однако создается впечатление, что больше выражена не столько взаимозависимость отдельных комплексов жизнеобеспечения, сколько их параллельная зависимость от факторов других подсистем культуры—производственной, соционормативной и пр.

В КЖ, как, по-видимому, в культуре в целом, можно наблюдать две формы социокультурной адаптивной эволюции, которые за неимением других терминов были названы терминами, заимствованными из теории биологической адаптивной эволюции: культурными идиоадаптациями и ароморфозами¹⁵. Под идиоадаптацией следует понимать такое видоизменение организма (в данном случае этносоциального организма), которое не сопровождается общими структурными прогрессивными изменениями; так, при доминировании среди традиционных жилищ домов типа «гхлагун», со ступенчато-пирамидальными перекрытиями, в ряде регионов нашли широкое распространение дома типа «габовтун», со сводчатыми каменными перекрытиями, а также пещерные жилища; не обла-

¹⁵ Маркарян Э. С. О средствах оптимизации научно-интегративных процессов.— Вопросы философии, 1980, № 12, с. 119, 120.

Дай существенными конструктивными и комфортными преимуществами перед глхатуном, эти дома представляли собой типичный пример культурной идиоадаптации к среде, относительно бедной строительным лесом, но зато богатой диким камнем и выходами мягких пород, весьма удобных для такого строительства. Примером идиоадаптации можно считать и распространение в ряде мест, особенно предгорной и горной зоны, компактно-слитных форм поселений при общем преобладании ветвистых и кучевых. Различные формы использования дикорастущих растений, субституция кислых фруктовых продуктов для приготовления ряда блюд вместо кисломолочных, использование различных видов мяса и жира для приготовления запасов каурмы можно привести в качестве культурных идиоадаптивных изменений в системе питания.

Напротив, ароморфоз предполагает приспособительную адаптацию, связанную со структурными прогрессивными изменениями, с повышением общего уровня активности данного организма. В этом смысле обогащение рациона населения горных и засушливых районов овощными и фруктовыми компонентами в результате усиления межрайонных экономических связей, развития оросительной сети, интродукции новых засухо- и холодоустойчивых сортов и культур представляет собой именно ароморфический тип изменения, так же как и распространение двухэтажных, многокамерных типов жилых зданий.

В прошлом, когда не было условий для прогрессивного социально-экономического развития армянского народа на своей коренной этнической территории, либо когда такой прогресс был весьма медленным и относительно медленным, преобладали разные формы идиоадаптации и культурной дивергенции в приспособлении к разным условиям общения.

Эпоха социалистического строительства, приведшая к коренным преобразованиям в жизни армянского народа, отмечена преобладанием именно ароморфических форм эволюции. В эту эпоху влияние социальных условий на специфику комплексов жизнеобеспечения становится несравненно более сильным, чем влияние природных условий. Соответственно региональные и зональные различия в них имеют тенденцию к сглаживанию, а вся система КЖ современного армянского села, постоянно обогащаясь и усложняясь, проявляет в то же время тенденцию к унификации в рамках этноса в целом.

В заключение можно с определенностью утверждать, что этнокультурологический подход имеет большие перспективы. Его достоинство состоит в том, что он дает возможность органически связывать широкие культурологические обобщения с эмпирическими исследованиями этнокультурных форм. А это позволяет преодолеть односторонне специализированное их изучение и способствует интеграции этнографического, а также иных видов знания, предметом непосредственного изучения которых выступают этносы и их культуры. Но следует иметь в виду, что прогресс этнокультурологических исследований находится в прямой зависимости от разработки узловых проблем самой культурологической теории, и прежде всего ее способности выразить культуру как целостную, реально функционирующую и развивающуюся систему через показ взаимодействия присущих ей основных подсистем¹⁶.

¹⁶ О состоянии разработки данной проблемы, а также о соотношении этнокультурологического и этносоциологического типов исследований см.: *Маркарян Э. С.* Теория культуры и современная наука, гл. 2, § 1, гл. 4, § 1, гл. 5, § 2, 3.